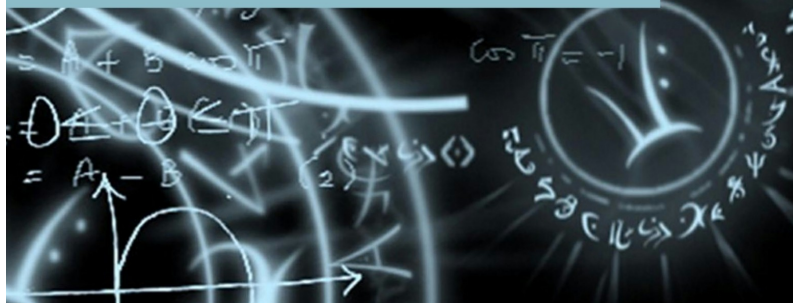

Вадим Поляков

Ящик и голубой заяц

Вадим Валерьевич Поляков

Ящик и голубой заяц

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29174504

SelfPub; 2018

Аннотация

Комары, вампиры и запутавшийся человек... Посвящаю своей незабвенной учительнице Нонне Менделевне, подобравшей и пригревшей оборванного и голодного прозаика в мире поэтов.

Содержание

XXX

Конец ознакомительного фрагмента.

8

10

*Нонне Менделевне Слепанковой
посвящается.*

Следователь Плешков закурил, сигарету и посмотрел на меня:

– Будете?

– Спасибо, у меня есть. – я вытащил папиросину и прикурил от его зажигалки.

– Хорошо, предположим, что я Вам верю: это ошибка. Но все же: зачем Вы унесли из магазина ящик импортного коньяка?

– Да не знал я ни о каком коньяке! Ящик мне был нужен, понимаете? Ящик. Их сейчас много везде набросано. И не из магазина он. На улице лежал. Подошел к складу, смотрю: ящик хороший. С крышкой. Взял и потащил.

– А то, что в ящике что-то лежит, Вас не смутило?

– Так я думал, в нем мусор какой... Думал: до дому донесу, открою и вытряхну. Мусорка у меня перед домом... Понимаете, вагонки у меня мало. Для дачи. Если из нее ящик делать – точно не хватит. Вот я и решил: возьму около магазина какой поцелее... Откуда ж мне знать про коньяк?.. И на кой он мне? Мне ящик был нужен.

– Зачем?

– Для Пискарика!

– ?! Вы рыбок держите? В ящике?!

– Каких рыбок? – я недоуменно уставился на него. Потом понял. – Нет. Пискарик не рыба. Он комар. Большой. Во (я развел, руки, демонстрируя размер), с kota. Ему спать негде. Я Иванычу сделал, а Пискарику – нет. Он сейчас на антресоли спит. А там пыль, да и светло там. Сами ведь знаете. какой сон, когда солнце в глаза бьет? – я с отвращением покосился в окно. Майское солнце нагло пялилось в глаза. – Эта жара меня доконает. На улице тепло, светло, а я приболел чего-то: знобит, слабость во всем теле. От еды тошнит. Тепловой удар, что ли? Отпустили бы вы меня? Иваныч с Пискариком без меня скучают. Я тоже. Они хорошие. Хоть нахалюги и себе на уме, а хорошие. Я их люблю... Понимаете, не жизнь – одни неприятности. Всю дорогу их собираю. Завелась в радиусе трех километров неприятность – моя будет. Вот и сейчас: одна за другой... На работе у меня проблемы, в личной жизни не ладится, соседи – пьянь, друзей нет... Жена ребенка не хотела... Все плохо. А они для меня – как отдушина. Придешь домой – с тобой поговорят, ты им что-то расскажешь. Иваныч сказки любит... А тут такое приключилось. Иваныч последнее время нервничает. Сначала он только сгущенку ел. Теперь все подряд: масло, колбасу, тушенку всю съел. Даже мясо сырое есть начал. Принес килограмм фарша – тоже съел. А ему это вредно. Видно поэтому и нервничает. Их ведь надо как следует кормить, а цены-то сейчас! – я сокрушенно покачал головой.

Во время моей тирады беломорина успела потухнуть и

сейчас жутко смердела. Я скорей бросил ее в пепельницу. Следователь смотрел на меня, подперев подбородок кулаком.

– А Иваныч кто? – любопытствовал Плешков.

– Вампир.

– Кто, кто? – оторопел он.

– Вампир. Они вместе ко мне пришли. Иваныч и Пискарик. Им жить негде было. Иваныча мать из дому выгнала – он крови, видите ли, боится, а Пискарик – жертва научного эксперимента.

– Знаете, Орловский, много чего я слышал, за свою практику, но такое... Вы сами-то в это верите? – на его лице отражалось откровенное то ли недоверие, то ли любопытство.

– Не верите? Если хотите, то можем пойти ко мне. Я Вас с ними лично познакомлю. – я не понимал его недоверия и потому обижался. Плешков только скептически усмехнулся.

– А вы думаете, что мы еще не были у Вас дома? Были. По долгу службы. – доверительным тоном сообщил он мне. – Никого нет. Только по всему дому валяются пустые банки из-под сгущенного молока, а на балконе – горы пустых бутылок. Всевозможнейших. Странный у Вас вкус...

– Да не у меня, – перебил я его. – А у Иваныча и комара. Один сгущенку лопают, а другой – соки, напитки... А то, что вы их не видели – ни о чем не говорит. Может они спрятались?

Представитель власти только молча качал головой, яв-

но не веря, что от них молено спрятаться. Я распался все больше и больше, рассказывал случаи из нашей с Иванычем жизни... Безрезультатно. Он только покачивал да покачивал головой. А моя голова наполнялась пульсирующей болью. То ли от болезни, то ли от моих же воплей, которыми я пытался убедить в своей правдивости этого недоверчивого типа.

– У Вас есть что-нибудь от головы? – резко перескочил я на другую тему, понимая, что зря напрягаю горло.

– Парацетамол пойдет?

– Давайте. – я проглотил таблетку не запивая. Потом откинулся на спинку стула, прикрыв слезящиеся глаза рукой. Скорее всего меня где-то продуло. Нет ничего хуже, чем простудиться летом. Да еще в такой ситуации. Как хорошо было бы подремать сейчас на диванчике. Но голос следователя мешал окунуться в сон.

– Попробуйте рассказать все с самого начала, может тогда все прояснится и мне удастся поверить Вам?

– Рассказ будет долгим, – предупредил я его. Однако поудобнее устроился на стуле, прикурил новую папиросу (несмотря на боль, свившую себе удобное гнездышко в моем черепе) и начал рассказ.

– Все началось с того...

XXX

... что Судьба снова взялась за меня: мне упорно не везло. Я уже свыкся с мыслью, что я неудачник. В принципе, если понять это сразу, то жить становится несколько проще: душу не тревожат обиды на судьбу, вопросы "за что", "почему" ... Просто живешь, воспринимая удары жизни как само собой разумеющееся.

Развод с женой был предопределен: это стало понятно после нескольких месяцев совместной жизни. Есть одно простое правило: если в семье хоть раз прозвучит слово развод – семье не быть. У нас оно звучало довольно часто. Я не хотел этого. По моему скромному разумению: если поженились, то будьте любезны считаться с сим фактом и друг с другом. Ведь одно из главных человеческих достоинств – умение прощать. В малом. И тем более в серьезном, если это не направлено против семьи... Может, я не прав. Но развод-то есть.

Со временем мне удалось свыкнуться с холостой жизнью. Все дело в умении находить маленькие радости в безрадостном. Хотя бы курево: курю сколько влезет. Лежу, когда хочу, брожу где вздумается и когда вздумается. Даже нашел работу полегче и поденежнее. Из производителя обоев для чужого дяди стал сантехником в коммерческой структуре. Одним словом: жизнь начала нормализовываться...

Но стало происходить странное. На работе. Словно я сделался кому-то неуютен и от меня хотят избавиться. Первым был случай с компрессором. Он сломался. Тогда мы работали на Земледельческой – меняли сантехнику в детской больнице. Вернее на пищеблоке больницы. Надо было пробить несколько отверстий в перекрытии. Для этого-то нам и привезли отбойный молоток и компрессор. Новенький, красненький, с веселенькими посеребренными цилиндрами, он мне почему-то напоминал детскую педальную машину, о которой я так мечтал в кудрявые детские годы...

Компрессор работал, как часы. Равномерно гудел двигатель, стучали поршни, свистел воздух в камерах. От молоточного "дррр" руки дрожали мелкой дрожью до самой ночи. Все шло гладко дня три. Потом один из цилиндров, почему-то взорвался. Мне досталось по ногам шлангом, от чего я оказался на полу. Пострадавших не было, но была куча машины, стоившей кучи денег (и взорвавшейся в моих руках).

Начальство примчалось через пару часов. Походило кругами вокруг агрегатных кишок, поковыряло пальчиком в железяках и кусках бетона, укоризненно покачало головой как же-это-ты-так, хлопнуло по плечу: "Да ладно, чудило..." и незаметно исчезло. Скоро был новый компрессор. Но я к нему и не подошел. Чем черт не шутит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.